

Научная статья

УДК 316.346.36:159.953 + 94:159.953 + 304.2 + 316.623

doi 10.15826/tetm.2022.3.035

Особенности смысловой трансляции коллективной исторической памяти

Наталья Сергеевна Корнющенко-Ермолаева

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия*

nskorn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6367>

Аннотация. Статья посвящена методологической проблеме взаимодействия индивидуального и коллективного в феномене исторической памяти. Выявление специфических особенностей коллективной памяти, природы и динамики коллективных воспоминаний позволяет, с одной стороны, концептуализировать коллективную память, обосновывать ее онтологический статус, с другой — раскрывать особенности механизмов работы коллективных воспоминаний. В статье проведен анализ таких особенностей коллективной памяти, как конвенциональность, традирование, повторяемость, селективность и т. д. Отстаивается тезис об амбивалентной природе коллективной исторической памяти как процесса.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, традирование, конвенциональность, селективность

Для цитирования: Корнющенко-Ермолаева Н. С. Особенности смысловой трансляции коллективной исторической памяти // Tempus et Memoria. 2022. Т. 3, № 2. С. 30–36. doi 10.15826/tetm.2022.3.035

Original article

Features of Semantic Translation of Collective Historical Memory

Nataliya S. Kornyushchenko-Ermolaeva

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia

nskorn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6367>

Abstract. The article is devoted to the methodological problem of the interaction of individual and collective in the phenomenon of historical memory. The identification of specific features of collective memory, the nature and dynamics of collective memories allows, on the one hand, to conceptualize collective memory, to substantiate its ontological status, on the other, to reveal the features of the mechanisms of collective memories. The article analyzes such features of collective memory as conventionality, tradition, repeatability, selectivity, etc. The thesis about the ambivalent nature of collective historical memory as a process is defended.

Keywords: historical memory, collective memory, replication, conventionality, selectivity

For citation: Kornyushchenko-Ermolaeva, N. S. (2022). Osobennosti smyslovoi translyatsii kollektivnoi istoricheskoi pamyati [Features of Semantic Translation of Collective Historical Memory]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 30–36. doi 10.15826/tetm.2022.3.035

Одной из актуальных проблем в современных исследованиях исторической памяти продолжает оставаться проблема диалектического соотношения индивидуального и коллективного уровней и их взаимодействие. Решение этой проблемы связано с возможностью переноса существующих психологических и нейрофизиологических представлений о механизмах работы индивидуальной памяти на память коллективную. В связи с этим возникает вопрос об особенностях и механизмах работы исторической коллективной памяти.

В гуманитарном дискурсе отсутствует единое решение этого вопроса. М. Хальбвакс в начале XX в. заявил о том, что коллективная память работает по своим особым законам, несводимым к механизмам работы индивидуальной памяти. Однако такие исследователи, как П. Рикер и А. Ассман, обратившись к решению этого вопроса, начинают активно использовать категории и методы фрейдовского психоанализа в исследованиях механизмов работы коллективной памяти. П. Рикер использует такие категории психоанализа, как травма, скорбь, трансфер, утрата, навязчивая идея, вытеснение, искупление вины, меланхолия и т. д. Французский философ считает такой подход абсолютно оправданным, поскольку история XX в. дает нам примеры массового

насилия, войн и геноцида, в которых негативный опыт получает не только отдельный человек, но также и социальные группы, и общность в целом. Это факт позволяет говорить о коллективной травме или коллективном травматическом опыте. «То, что мы превозносим как “основополагающие события”, по существу является актами насилия, задним числом узаконенными хрупким правовым положением. Что создает славу одним, для других — поругание. Что для одной стороны является торжеством, для другой — проклятием. Именно таким путем в архивах коллективной памяти накапливаются символические раны, требующие исцеления» [Рикер, 117].

Немецкий культуролог А. Ассман в свою очередь делает попытки объяснить работу механизмов коллективной памяти через понятие сублимации. Она считает, что коллективные воспоминания формируются под воздействием коллективных переживаний наиболее сильных и имеющих этические коннотации чувств: гордости за героические победы, вины за причиненные массовые страдания и стыда за совершенные жестокие и не имеющие оправдания исторические преступления. Коллективный опыт этих переживаний составляет фундамент для формирования национальной идентичности и создания жизнеспособной

и долговечной национальной идеи. Травматический коллективный опыт имеет способность трансформироваться, вытесняться сообществом посредством установления памятников, мемориалов и священных мест. Таким образом, для того, чтобы снять обозначенное выше противоречие между позицией М. Хальбвакса и его оппонентов, необходимо поставить вопрос о специфике коллективной памяти, механизмах ее работы и особенностях смысловой трансляции.

Феноменами, которые организуют работу коллективной памяти, являются пространство и время. Именно они выступают организующим звеном в процессах запоминания, сохранения и воспроизведения воспоминаний. Временной горизонт работы индивидуальной памяти определяется количеством прожитых лет жизни отдельного человека. В отличие от индивидуальной коллективная память расширяет свои границы до 80–100 лет. Такое расширение происходит за счет соприкосновения и коммуникации с представителями других поколений (одновременного сосуществования трех, в исключительных случаях — пяти поколений). Рамки коллективной памяти ограничены не индивидуальным, а социальным, историческим временем (временем жизни трех — четырех поколений) и коллективным пространством событий национальной истории.

Пространственно индивидуальная память детерминируется социальным окружением (местом проживания, социальными ценностями «Мы-групп», к которым принадлежит индивид, сходным образом жизни). Пространство, формирующее память индивидуальную, не менее востребовано и для выстраивания коллективной памяти. Однако если техника запоминания в автобиографической памяти непосредственно связана с воображаемым пространством, то работа коллективной исторической памяти — с расстановкой знаков в естественном пространстве. Коллективная память сохраняет и воспроизводит исторические коды. Исторические объекты, размещенные в пространстве (мемориальные комплексы и монументы, здания, улицы и площади, целые городские кварталы, а иногда и само пространство) наделяются сообществами специфическими культурными смыслами, семиотизируются. Коллективная память локализуется в «местах

памяти». Это понятие появляется в работах французского историка П. Нора. Он проясняет это понятие несколькими способами. «Места памяти» являются местами в трех смыслах — материальном (монументальные и топографические места), символическом и функциональном. Таким образом, места памяти — это, во-первых, мемориальные места, такие как некрополи, памятники, улицы городов и архитектурные сооружения; во-вторых, топографические места: музеи, библиотеки, архивы; в-третьих, места памяти — это символические места. Под символическими местами П. Нора подразумевает коммеморативные церемонии, паломничества, юбилеи и эмблемы. И наконец, функциональные места. Это такие источники информации, как учебники, книги, автобиографии и мемуары. «Память, — пишет П. Нора, — укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [Нора, 48].

Второй особенностью коллективной памяти, на которую стоит обратить внимание, является сам процесс ее формирования, основанный на способности присваивать воспоминания. Этот процесс получил название традирования. Коллективная память — это память заимствованная, она не принадлежит конкретному человеку, но в процессе коммуникации «присваивается» индивидом и становится частью его индивидуальной памяти в виде знаний о национальных исторически значимых событиях. Сам человек не был или не мог быть их участником, но имел возможность узнать о них из газет или со слов очевидцев или свидетелей.

Сам процесс возникновения и способ существования коллективной памяти связан с рассказом, нарративом. Память возникает благодаря повествованию, актуализации прошлого и коммуникативному обмену. Коллективная историческая память существует *в понятиях и символах*, индивид представляет их себе, но не может помнить о них. Она возникает в первую очередь благодаря устному повествованию, поэтому ее часто называют живой памятью. Появление коллективного уровня памяти происходит посредством актуализации прошлого и коммуникативному обмену. «Материал коллективной памяти — это не даты и факты, это уникальная психологическая и социальная атмосфера, привычки и характерные черты

эпохи. Я могу дополнить их, могу заменить идеи образами и впечатлениями, рассматривая картины, портреты, гравюры того времени, думая о выходящих тогда книгах, поставленных пьесах, о стиле эпохи, о тех шутках и том типе юмора, которые тогда любили» [Хальбвакс, 12].

Прошлое в коллективном сознании не может воспроизводиться и сохраняться как таковое без работы социальных практик. Коллективная память воплощает свои представления о прошлом в традициях и ритуалах, а поддержание традиций, в свою очередь, является условием осуществления работы памяти. Прошлое как ушедшее, но еще актуально востребованное настоящим существует, пока есть живые носители воспоминаний, передающие их в многократно повторяющемся рассказе и коммеморативных практиках. Прошлое существует, пока его образы и смыслы востребованы следующими поколениями. Традиция, в отличие от памяти, не имеет персоналистического измерения, она анонимна и заканчивается, как только ее перестают поддерживать.

Таким образом, коллективная память имеет не биологическую, а социальную, искусственную природу. Она не существует как естественно данная от природы когнитивная способность фиксировать и воспроизводить информацию, ее существование возможно только посредством коллективных ритуальных повторяющихся практик, которые каждый раз восстанавливают в коллективной памяти значимые образы и переживания, связанные с ними. Коллективная память возникает благодаря повествованию, актуализации прошлого и коммуникативному обмену.

Что фиксируется в коллективной памяти? В отличие от индивидуальной коллективная память сохраняет и надолго закрепляет в коллективном сознании всеобщее признание определенной трактовки исторического события. Это воспоминание можно обнаружить у большинства сообщества (социальной группы или нации в целом).

Одной из особенностей коллективной памяти является конвенциональность воспоминаний — соглашение. Память сообщества о прошлом постоянно подвергается ревизии. При многократном повторении воспоминаний они просто сливаются в единое целое. Этот стереотипный образ, используя термин

Хальбвакса, можно обозначить как «имаго». Поскольку коллективная память основана на ресурсе совместного опыта и знаний, воспоминания, сохраняемые в ней, «не всегда бывают собственными: они передаются другим и становятся воспоминаниями из вторых, третьих, четвертых рук» [Вельцер, 23].

Коллективная память проявляет себя через создание сходных представлений о прошлом для представителей одной социальной группы или поколения. Именно поэтому спустя полвека американская писательница и философ С. Зонтаг назовет коллективную память конвенцией, соглашением [Зонтаг]. Это та идея, версия произошедшего, с которой согласно большинство представителей социальной группы. В коллективной памяти фиксируется единое понимание и определенное ценностное отношение к тем или иным историческим событиям, которое закреплено в письменных источниках, языке, нормах поведения, местах памяти и ритуалах. Эта версия может вступать в конфликтные отношения с фактами официальной истории. Главная функция коллективной памяти, по М. Хальбваксу, в трансляции этих знаний последующим поколениям, то есть отличительными свойствами памяти являются преемственность и общность представлений.

Сходство индивидуальной и коллективной памяти на первый взгляд заключается в селективности воспоминаний. В отличие от индивидуальной коллективная память селективна и избирательна в том смысле, что она часто стремится сохранить не воспоминания личной жизни, а значимые для определенной социальной группы исторические события. Эти воспоминания могут не являться значимыми с точки зрения профессиональной истории и могут быть ею забыты либо целенаправленно сокрыты от большинства. Память не критична, но всегда эмоционально окрашена. События и образы, восстанавливаемые памятью, ненадежны и изменчивы: «...Наше сознание словно не может обращать внимание на прошлое, не деформируя его; поднимаясь на поверхность, наше воспоминание словно преобразуется, меняет облик, портится под действием интеллектуального света» [Хальбвакс, 56]. В отличие от коллективной памяти, которая передается от поколения к поколению в форме устного рассказа, индивидуальная

память может никогда не «выводить на свет» свои воспоминания, переживая встречу с ними в полном одиночестве.

В коллективной памяти, как и в индивидуальной, можно наблюдать процессы повторения и вытеснения. Одни события вытесняются коллективной памятью так глубоко, что при попытке вызвать их, наталкиваются на сопротивление, другие же приводят к повторениям, репрезентирующим себя в празднованиях годовщин события.

Существенным свойством коллективной памяти является полифония или многоголосие, поскольку коллективных памятей много. Их столько, сколько в обществе социальных групп. Индивид может принадлежать одновременно к нескольким группам, поэтому его память представляет собой противоречивое сочетание представлений о прошлом. Коллективная память предлагает плюралистичное видение прошлого. Это отличает ее от памяти индивидуальной.

Коллективная память представляет собой подвижную, живую динамическую систему со сложными амбивалентными процессами. Она находится в постоянном процессе эволюции, поскольку открыта диалектике запоминания, сохранения информации и ее забвения. В ней происходят одновременно процессы формирования воспоминаний и их деформации.

Одним из механизмов смысловой трансляции воспоминаний в работе коллективной исторической памяти является синдром «запаздывающей памяти». Этот синдром был впервые описан М. Хальбваксом. В коллективной памяти запускается механизм забвения или на некоторое время вытеснения воспоминания о недавнем совместно пережитом опыте. Как правило, это касается особенно травматичных для коллективного сознания событий. До момента ухода из жизни очевидцев и участников этих событий критическое переосмысление и нравственная оценка пережитого опыта, как правило, невозможны. Значимость, как и нравственная оценка случившегося, становится возможной для коллективного сознания только благодаря появлению временного дистанцирования. Именно оно позволяет критически переосмыслить прошлое.

Нравственная рефлексия коллективного опыта последующими поколениями в равной

степени содержит в себе возможность того, что событие получит статус позитивного и сакрального, как и полной конфронтации с родительским наследием. «С одной стороны, коллективная память может не включать события, которые сыграли важную роль в жизни членов сообщества (как, например, память о Второй мировой войне в Японии). С другой стороны, социально и географически отдаленные события могут быть приближены в целях самоидентификации группами людей, которые не были их непосредственными участниками (как в случае с памятью о Холокосте)» [Kansteiner, 192].

Одним из важных механизмов смысловой трансляции воспоминаний, требующих пристального внимания, является механизм искажения фактов об историческом прошлом. Искажения присутствуют как в коллективной, так и в индивидуальной памяти. В обоих случаях искажения могут носить бессознательный характер. Однако бессознательные искажения воспоминаний в коллективной памяти обусловлены двумя факторами. С одной стороны, это высокая эмоциональная значимость события. Этот фактор также характерен для автобиографической памяти. С другой стороны, искажениям коллективной памяти во многом способствует многократная повторяемость рассказа о событии. В процессе неоднократной реконструкции воспоминания происходят постоянные дополнения нарратива вымышленными деталями. При этом можно обнаружить следующую закономерность: чем выше степень значимости воспоминания о событии, тем больше оно претерпевает существенных трансформаций и дополнений. В этом и заключается парадоксальность коллективной памяти.

Процесс аббераций памяти происходит следующим образом. В процессе рассказа вызванное в памяти воспоминание закрепляется в памяти каждый раз в новом, видоизмененном качестве. Во время рассказа оно обогащается новыми подробностями и может видоизменяться в зависимости от контекста ситуации, в которой происходило воспоминание. Таким образом, формула смысловой трансляции коллективной памяти может быть представлена следующим образом: воспоминание — это каждый раз событие плюс воспоминание о том, как

и при каких обстоятельствах его вспоминали [Корнющенко-Ермолаева].

Нарративы о коллективно пережитых исторических событиях, связанных с большой степенью травматичности, способны оказывать сильное эмоциональное воздействие на коллективную память. Они приводят их к тому стандарту, в котором их помнит большинство. Именно поэтому, когда речь идет о коллективных воспоминаниях, связанных с историческими потрясениями, можно наблюдать феномен стандартизации комплекса воспоминаний, присутствующих в социуме. Создается ложное впечатление, что все участники событий в этот период имели один и тот же опыт. В коллективной памяти происходит упрощение образа. Таким образом, коллективная память — это унифицированная конструкция, а именно, упрощение, редукция события до мифических архетипов. Следовательно, нарратив в коллективной памяти трансформируется в миф [Там же].

В процессе коммуникативной рокировки воспоминаниями внутри коммеморативных сообществ происходит длительный обмен историями. Рассказы изменяются и «перепиываются» до того момента, пока у большинства не окажется идентичный набор подобных историй. Эти истории могут быть основаны на отдаленно схожем личном опыте, но в деталях оказываются «ложными» — сконструированными воспоминаниями, сформированными не личным опытом, а скорее коммуникативным обменом. Чем более удалено от людей событие, тем стабильнее и статичнее память о нем. Воспоминание удаленного во времени события имеет более заверченный характер и уровень рефлексивности [Там же].

Таким образом, проделанный анализ позволяет прийти к выводу о том, что коллективная историческая память представляет собой амбивалентный процесс. Онтологический статус коллективной памяти связан со способностью социальных групп к запоминанию и забвению пережитого исторического опыта (реального и/или воображаемого). Коллективная память способна символически реконструировать социально значимые исторические события, придавая им определенную ценностную трактовку. Она фиксирует и формирует образы исторических событий в форме различных культурных стереотипов, символов и мифов. Теоретическая ценность концепта «историческая коллективная память» позволяет рассматривать образы актуальных и наиболее значимых для общества событий и исторических личностей как «места памяти». Эти места, с одной стороны, локализируются на хронологической оси, а с другой — в пространственных объектах и социальных действиях (коммеморациях).

В качестве особенностей и механизмов работы коллективной памяти можно выделить следующие: конвенциональность как способность сохранять ту версию произошедшего, с которой согласно большинство представителей социальной группы; традирование как передачу и присвоение прошлого воспоминания из вторых, третьих, четвертых рук; повторение и вытеснение значимых воспоминаний; селективность как способность коллективной памяти проводить отбор событий, значимых для сохранения в памяти социальной группы, но не имеющих ценности для официальной версии истории; полифонический и конфликтный характер воспоминаний, а также синдром «запаздывающей памяти».

Список источников

- Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2(40). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 30.05.2022).
- Зонтаг С. Когда мы смотрим на боль других. URL: <http://index.org.ru/journal/22/index.html> (дата обращения: 30.06.2022).
- Корнющенко-Ермолаева Н. С. Идеология versus коллективная историческая память? К истории дискурса // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 64–74. doi: 10.17223/1998863X/60/7
- Нора П. Всемирное торжество памяти. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> / (дата обращения: 12.05.2021).
- Рикер П. Память. История. Забвение. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41).

Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41, № 2. P. 179–197.

References

Halbwachs, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2–3(40–41).

Kansteiner, W. (2002). Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, 41, 2, 179–197.

Kornyushchenko-Ermolaeva, N. S. (2021). Ideologiya versus kollektivnaya istoricheskaya pamyat'? K istorii diskursa [Ideology versus collective historical memory? To the history of discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 60, 64–74. doi: 10.17223/1998863X/60/7

Nora, P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World Celebration of Memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> / (accessed: 12.05.2021).

Riker, P. (2004). *Pamyat'. Istoriya. Zabvenie* [Memory. History. Oblivion.]. M.: Izd-vo gumanitarnoi literatury.

Welzer, H. (2005). Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo [History, memory and modernity of the past]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2(40). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (accessed: 30.05.2022).

Zontag, S. *Kogda my smotrim na bol' drugikh* [When we look at the pain of other]. URL: <http://index.org.ru/journal/22/index.html> (accessed: 30.06.2022).

Сведения об авторах

Корнющенко-Ермолаева Наталия Сергеевна, старший преподаватель Томского университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия; аспирант Томского государственного университета

Information about the authors

Nataliya S. Kornyushchenko-Ermolaeva, Senior Lecturer, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia; postgraduate student of Tomsk State University

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.09.2022;
принята к публикации 15.10.2022*

*The article was submitted 15.09.2022;
approved after reviewing 30.09.2022;
accepted for publication 15.10.2022*